

АВТОР И ПЕРЕВОДЧИК

У меня сказки «пишутся» странно: их начало никогда не выдумывается, оно возникает неожиданно, как бы само собой, без моего участия. Но появление их связано с реальными вещами: это может быть и дерево, и дождевая капля, и полет птицы, и порыв ветра, обрывок разговора, звук, слово и т.д. и т.д. Но они непременно должны коснуться моего восприятия, «задеть» меня и обязательно запомниться. В данном случае они как зерно, брошенное в почву, которое «живет», таинственно прорастает и – раз! – пробивается росток. Когда появляется первая строка (может быть, и вторая), сначала даже не понимаешь, о чем это и что это. Но вступает «трезвый разум – голова», и быстро выясняется, к чему относится такое начало и куда оно ведёт.

У меня как-то была мысль описать переводчику с чувашского языка на японский Масанори Гото изменение своей фамилии по падежам. Но в ежедневной суете забылась эта хорошая мысль. Прошло некоторое время. И вот пишу странную фразу: «Иду я по городу Чебоксары...». Потом пришлось ее продолжить. В конце концов получилась такая быть-небыль.

**Веселая история на скучную тему «Склонение женских фамилий»
Из «Воспоминаний» переводчика Масанори Гото¹**

Иду я по городу Чебоксары. Прохожу мимо базара. Ба, кого я вижу – Еву ЛисинУ! (винительный падеж). Она шла от базара и вела на поводке козу. Надо сказать, я знаком с ней (т.е. с Евой ЛисинОЙ – творительный падеж) с 2015 года. Мы переписываемся, с ней легко общаться: она открытый человек, в ней (т.е. в Еве ЛисинОЙ – предложный падеж) нет лукавства: я пишу ей (т.е. Еве ЛисинОЙ – дательный падеж), и тут же приходит ответное письмо от неё (т.е. от Евы ЛисинОЙ – родительный падеж). Короче говоря, кроме винительного падежа везде следует окончание

---

¹ Масанори Гото родился в Кобэ в 1969 году. Учился в Осацком университете (факультет гуманитарных наук). Специальность – культурная антропология. В университете также изучал русский язык. После аспирантуры университета в городе Осака работал научным сотрудником в Центре славянских исследований Хоккайдского университета. В течение года стажировался в Чувашском государственном университете (с октября 2004 г.). Занимался этнографией чуваш, изучал особенности их мировоззрения и традиционные верования; учился чувашскому языку (с личным преподавателем). Долго жил в Саппоро. Сейчас живет в Токио. Работает научным координатором в Институте политических исследований Министерства сельского и лесного хозяйства и рыболовства Японии.

Ева Лисина родилась в 1939 году в д. Именеве (Именкасси) Батыревского района Чувашской Республики. Выпускница Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Работала в Ботаническом саду МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-м Московском медицинском институте им. И.М. Сеченова, затем – старшим редактором Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Преподавала чувашскую литературу в Театральном училище им. М.С. Щепкина. Автор сказок, рассказов, повестей и пьес на чувашском и русском языках. На чувашский язык перевела произведения А.Н. Островского, Э. де Филиппо, П. Гарини, С. Джованнини, Ю. О'Нила, Варлама Шаламова, Орхана Вели и др. В 1991–2009 гг. – переводчик Библии на чувашский язык (в полном объеме издана в 2009 г.). Повесть «Дети Синьяла» и «Собрание сочинений Евы Лисиной: сокровище чувашской литературы» вышли в Японии (перевод Масанори Гото). Удостоена различных литературных премий России и Германии.

Ой. И мы стали хорошими друзьями. Вот, подбегаю к ней: «Ева Николаевна, как я рад видеть Вас!» Она тоже обрадовалась: «О, Масанори, миленький! Где ты пропадал – на своих островах или был на необитаемом острове?» – «Я был дома». – «О славно, славно! Дом – это самое лучшее, что есть на земле!» Спрашиваю ее (т.е. Еву Лисину – винительный пад.): «Это Ваша коза?» А она с гордостью: «Моя. Только что купила. Познакомьтесь, Масанори, это – Козина, потомок древнего княжеского рода Козиных. Прошу любить и жаловать. Козина, это – известный японский переводчик Масанори Гото. Прошу любить и жаловать. Козина, когда я буду тебя знакомить со своими друзьями, приветствуй их одним красивым жестом. Давай прямо сейчас и потренируемся. Подними-ка правое копытце, да, да, вот так, теперь приложи его к груди, к тому месту, где бьется сердце, у вас сердце справа или слева? У нас, у людей, слева, вот так, умница! Теперь чуть-чуть опусти голову, сделай поклон. Умница! Теперь опусти ногу. Такой жест означает одно: «О, я счастлива познакомиться с Вами!»

Такое приветствие тронуло меня: худая, неухоженная коза (может и голодная была), и – такой благородный жест! Хочется ей помочь. Пока задаю вопросы хозяйке: «Ева Николаевна, а зачем Вам коза?» – А она с удивлением: «Как это “зачем”? Буду ее доить, буду пить козье молоко. Знаешь, какое оно полезное, вот буду пить каждый день, а то у меня животик болит. Будет оставаться излишек – буду продавать. Мне очень нужны деньги». – «А зачем Вам деньги?» – «Как это “зачем нужны деньги”? Деньги нужны-ы-ы. Я же собираюсь в Австралию. На дорогу туда и обратно, на проживание – так что потребуются приличная сумма. Но ничего, козье молоко ценится очень дорого – наберу». – «Ева Николаевна, я в первый раз слышу от Вас (т.е. от Евы ЛисинОЙ – родительный пад.), что собираетесь в Австралию. Зачем?» – «Как это зачем?» Посмотреть на кенгуру! Ведь у кенгуру на брюхе есть мешок. Это совершенно гениальное приспособление. Представляешь, кенгуриха скачет, – а скачет она высоко! – а из ее мешка выглядывает кенгурёнок, машет ноженькой. Мне так хочется взглянуть на это!»

Тут неожиданно заблелая коза: «Бэ-э-э! Иябóйсто!» (Надо понимать как «И я с тобой!») Ева Николаевна отозвалась с восторгом: «Она хочет поехать со мной! А что, вдвоём будет веселее».

Я же задаю очередной вопрос: «Ева Николаевна, а где Вы будете держать Козину?» – «Где? Пока негде, – ответила Ева Николаевна. – Я вовсе не собиралась покупать козу, так что у меня нет ни коровника, ни овчарни, даже сарая нет. Я купила ее случайно, хотя считаю, что ничего случайного не бывает. Так вот: я пошла на базар, хотела купить себе ягоды. Прохожу мимо торговых рядов. Вижу козочку, она мне показалась сиротой...Она смотрит на меня, мы встретились с ней глазами... Такой взгляд невозможно выдержать... У меня возникло единственное желание как можно скорее увести ее отсюда. Подошла к ее хозяину (он мне не понравился, в нем не видно ни радости, ни горести – какой-то пустой человек). Я даже не стала с ним торговаться, пока я рассчитывалась, коза подошла ко мне и встала рядом. И я увела ее. Сейчас мы шли ко мне домой. Ты же был у меня: я живу на седьмом этаже в маленькой однокомнатной квартире. Коза не кошка, не может жить в городской квартире, ей нужно ходить по земле, щипать траву. Пока так. Масанори, давай сначала накормим ее, пойдем обратно на рынок – там такие сочные травы продаются».

Видя, что мы идем на рынок, коза остановилась и ни шагу вперед. Ева Николаевна погладила ее по голове и говорит: «Козина, знаю, чего ты боишься. Не бойся. Запомни: я никогда не брошу тебя. Это первое. Второе – я никогда не дам тебя в обиду. Сейчас мы с тобой должны сделать большое дело. Поэтому идем на рынок». И Козина послушно пошла с нами. Ева Николаевна подвела нас к торговке зеленью. Та, – круглолицая, румяная, – встретила ее с насмешкой: «Ага, хочешь вернуть товар? А хозяин уже ушел – сбыл свой товар и смылся. Я же подмигивала тебе, крутила пальцем у виска – подавала знаки: мол, товар плохой, не покупай». А Ева Николаевна ответила ей спокойно, ровным голосом отчеканивая каждое слово: «Милая зеленщица, запомните: эта коза – не товар, она – потомок знатного княжеского рода Козиных, а зовут ее Козина». Я заметил, как глаза и рот торговки расширились одновременно и ее круглое лицо стало длинным и узким. А Ева

Николаевна: «Милая зеленщица, над Вашей благоухающей зеленью летает оса, смотрите, как бы она не залетела Вам в рот». Торговка хотела было закрыть рот, но у нее, наверное, отвердели губы – рот не закрывался. Тогда она прикрыла его ладонью. Ева Николаевна продолжила: «О том о сем поговорим потом, а сейчас мы хотим сделать главное – накормить голодную. Мы купим у Вас много трав. Буду покупать и потом – через день буду приходить к Вам на базар». Когда разговор коснулся купли-продажи, лицо зеленщицы быстро приняло прежний вид.

А Ева Николаевна начала выбирать травы. Было видно, что это занятие доставляет ей огромную радость, она просто ворковала: «О, салат! Какие сочные листья! О, кольраби! Раньше ты у нас не росла. Из какой страны прибыла сюда? Вижу, тебе и у нас хорошо! Ох, какая важная особа – брюква! Один лист – ползавтрака нашей Козине! Милая зеленщица, у Вас есть турнепс? Как это без турнепса? Непременно посейте его хотя бы в следующем году! О, репа! Всеобщая любимица! Как-то заболела одна моя знакомая. Я пошла в больницу навестить ее, принесла ей вкусных-превкусных гостинцев. Она поблагодарила меня и говорит: «Мне бы лучше пареной репы». Понесла ей пареную репу. Больная поела ее и тут же выздоровела! О, капуста! Почитаемая всеми, любимая всеми! Ведь без тебя и огород пустой, и кухня наша пустая!» – говорила она, Козина же стояла рядом и слюнки глотала. Ева Николаевна ей: «Потерпи, потерпи немножко, вот найду для тебя лучшее в мире лакомство. Вот оно – сладенькая морковь, морковка-морковушка! Теперь пойдем!» Ева Николаевна взяла целый ворох овощей и повела Козину в пустой угол за прилавками. Там сняла с нее поводок, нашла кусок картонки, и разложила на него травы и, сказав Козине: «Подожди секунду», обратилась к торговке: «Милая зеленщица, нет ли у Вас воды, только не газированной, а простой? Да-а? Даже колодезная? Это же чудесно! Не дадите ли нам этой воды? Мне кажется, Козина хочет пить. Нет посуды? У меня есть посуда, я же пришла на базар за ягодами, взяла с собой ведерко, а сама так и не дошла до ягод. Пожалуйста, налейте сюда, и давайте поставим его рядом с травами». Они так и поступили. У Козины же действительно была жажда: она сразу подошла к воде и опустошила всё ведерко. После этого приступила к еде.

Ева Николаевна вернулась к прилавку к зеленщице и стала ее расспрашивать: «Милая зеленщица, Вы же знакомы с Козиной, скажите, пожалуйста, какой надой у нее, сколько литров?» Зеленщица в ответ: «Какие литры? Хозяин не усердный – скот голодный! Надой у твоей козочки – стакан, один стакан! И молоко у нее горькое, в рот не возьмешь!» Конечно, не такие слова ожидала Ева Николаевна – она будто даже растерялась. Вдруг в ее глазах блеснул огонек, она улыбнулась и сказала: «Какая же замечательная наша Козина – дает горькое молоко! Ведь горькое козье молоко – самое целебное! И как щедро одаривает нас – дает целый стакан! Подумать только – целый стакан! Ну что же, половину буду выпивать сама, а половину буду продавать!» – «Будешь продавать полстакана? – переспросила сбитая с толку зеленщица. – Смотри, люди продают в двухлитровых бутылках, а ты как будешь продавать?» – «А я буду продавать каплями! Подожди, пока Козина пообедает, потом зайдем с ней в аптеку, купим там пипетку и склянку емкостью двадцать миллилитров, померим, сколько капель туда войдет. Сразу же установим твердую цену: одна капля – одна тысяча!» – «По такой цене никто у тебя не купит!» – сказала зеленщица и всунула руку в карман. А Ева Николаевна: «Не трогайте свой телефон, и никуда звонить не надо: я нормальный веселый человек. А насчет своего товара скажу: кому надо, тот и купит. Уже покупатель приехал. Правда, он хочет купить не капли, ему сама коза нужна». – Ева Николаевна кивнула в мою сторону. Я остолбенел. А зеленщица опять захотела было залезть в свой карман, но как-то удержалась и уставилась на меня: «Милок, ты откуда?» – «Из Японии», – ответил я. – «Да, иностранцы смысленные, знают, что у нас покупать: значит, наша Козина – не простая коза, а ценнейшая животина. Можно сказать, она – достояние республики. Мы не имеем права распродавать государственное богатство. Козина должна оставаться в своем, нашем отечестве». После этих слов Ева Николаевна объявила мне официально: «Извините, господин Гото, но эта коза не продается». А что мне оставалось делать? «Жаль, – ответил я, – очень жаль».

В это самое время заблелла Козина. «Схожу-ка к ней, может быть, что-то нужно», – сказала Ева Николаевна и поспешно ушла. А мы с зеленщицей продолжили наш разговор. В основном разговор касался Евы Николаевны. Зеленщица возмущалась: «Банкирша, а? Скупердяйка, а? Милок, не пускай ее в бизнес. В бизнесе она ноль. Знаешь, а мне не хочется, чтобы она была такая алчная!» – «Госпожа зеленщица, она не алчная. Она сама последнюю копейку отдаст». – «Не надо до последней копейки отдавать, пусть и себе оставляет». – «Знаете, кто она? Она – известная писательница. Пишет прекрасные сказки». – «Шутишь?» – «Какие шутки! Честное слово!» – «Тогда пусть напустит на себя важность. И одевайте ее по-писательски. Ведь никому в голову не придет, что она писательница. Подумают, что сбежала с улицы Пирогова (на улице Пирогова находится психиатрическая больница). Ведь и я собиралась позвонить». – «А как одевать ее по-писательски?» – «Как? Начинайте с обуви. Ходит в стоптанных башмаках – это не дело! Обувь должна быть из натуральной кожи. И обязательно на каблуках. Будет ли она ходить на шпильках, хотя ихние, даже старенькие, всюю семянят на шпильках». – «Наша не будет семенить» – уточнил я. – «И правильно делает. Ладно, пусть ходит на средних каблуках! Та-ак... Нужна клетчатая юбка до пят... Та-ак... Блузки нужны – всё-всё из натуральной ткани, и обязательно белая атласная блузка – это же такая красота! Та-ак... Шарфы нужны – одноцветные, разноцветные, но главное, чтобы они были длинные, чтобы наматывать вокруг шеи несколько раз. Вроде бы всё. Да-а! Шляпа нужна! Шляпа с широкими полями! Ой, не надо! В последнее время бушуют страшные ураганы. Подхватит ее ураган, и будет она летать в такой шляпе как с парашютом. Будет парить над Чебоксарами, поди лови ее! Шляпу отменяем. Та-ак!.. Давай дадим ей две куртки: белую и черную. Может, ей очки дать? Будет представительней». – «Очков не надо, – уточнил я, – у нее хорошее зрение». – «Ну ладно, приодели мы её. Значит, всё нормально. А как с Козиной? Где вы её держите?» – «Пока нигде. Думаем». – «А что тут думать? У меня и коровник, и овчарня, даже сарай есть. Что понравится, пусть то и выберет ваша козочка. А её хозяйке могу предложить на выбор две комнаты: одна с видом на Волгу, а другая – с видом на луга и дубраву. Она собиралась через день ходить на базар за зеленью для своей козочки. Такие хлопоты вовсе не нужны: у меня огромный огород, огромный сад! Всё перед глазами, что надо – то и бери! Прямо сейчас и можем ехать!»

Ева Николаевна с Козиной вернулись к концу нашего разговора. Зеленщица говорила громко и вдохновенно. Безусловно, Ева Николаевна слышала ее последние слова. Я заметил, что она прослезилась. Чтобы скрыть слезы, она отвернулась от нас. Я же подумал о том, в каком напряжении находилась она, думая о благоустройстве Козины. Конечно, она знала, что выход есть, что он обязательно найдется, но пока не знала, где и у кого искать его. А выход был здесь и дождался ее. Ева Николаевна любит слово «спасибо» и частенько повторяет его. Сейчас же, когда это слово было бы очень и очень уместно, слово забыла его, стоит безмолвно. Но через несколько минут она повернулась к нам и обратилась к зеленщице: «Добрый человек, как имя твое?» – «Маша», – ответила та. Сколько любви и благодарности выразилось в голосе Евы Николаевны: «Мария, мы сегодня же приедем к тебе». И мы услышали: «Добро пожаловать в любое время».

Мы ушли с базара абсолютно счастливые. Прошли всего-то 50-60 метров, видим: навстречу идет полицейский. «Вот идет дядя полицейский, поприветствуй его», – подсказала Ева Николаевна Козине. Жест у Козины получился широкий, свободный! Полицейский остановился в изумлении: «Вот это да!» И тут же стал звонить (мы поняли: докладывает своему начальнику). Звонил радостно: «Обхожу базар. Всё тихо, мирно. Пока не поймал ни одного мошенника, ни одного фальшивомонетчика. Так, обычная мелочь... Зато!.. Зато встретил бродячий цирк! Да, да, настоящий бродячий цирк! Труппа маленькая: старушенция одна, козочка одна и мужчина лет 35-40, высоченный такой, я про себя назвал его Верзилой, думаю, он у них главный. Славная труппа, они какие-то необыкновенно счастливые, всё время улыбаются! Может, у них и козочка

улыбается? Нет, не улыбается, но глаза-а-а! – сияют на всю округу! Посмотришь на них – жить захочется! О, понимаю, понимаю! Вы же театрал, настоящий театрал! Вы хотите поскорее с ними познакомиться! Слушаюся! Сейчас же доставлю прямо к вам в отдел!»

Как такое возможно? Один и тот же человек (в данном случае полицейский), который только что назвал нас «славной труппой», через полчаса обзывает нас «жуликами» и другими непотребными словами. Если бы я не слышал это собственными ушами, не поверил бы. Сначала ему позвонили, безусловно, звонил его начальник. Он – театрал! – мечтал как можно скорее увидеть циркачей, а их нет и нет, у него уже лопнуло терпение, вот и звонит своему подчиненному: в чем дело, почему такая задержка? А тот оправдывался. Вот как он говорил: «Почему не доставил? Выявились новые сведения, проверяю их на месте. Почему говорю в нос? Потому, что он разбит. Нет, нет! Тут всё тихо и мирно. Никакой драки. Сам разбил. Но подстроила это старушенция. Говорит мне: “Привязалась к нам эта оса. Хотела ужалить нашу Марию. Теперь над Вами вьется, жужжит: «Какой нос! Шикарный нос! Спикирую на него!»” И зловердное насекомое спикировало прямо на мой нос. Я хлопнул его, да так, что из глаз посыпались искры. Нет, нет, не упал, только пошатнулся. А старушенция засуетилась, говорит: “Потерпи, потерпи, миленький, сейчас подою козу, сделаю примочку из козьего молочка и положу на ваш замечательный нос”. Подумать только, я – человек в погонах! – буду ходить со следами разбоя на лице. “Я придерживаюсь официальной медицины”, – сказал ей и потребовал, чтобы она предъявила свой паспорт. Она же: “Я его с собой не ношу”. Я сделал ей замечание: “Это непорядок, паспорт всегда должен быть с собой”. Она же: “Я боюсь его потерять, поэтому не ношу. Но паспорт у меня есть. Уважаемый полицейский, я Вам благодарна, что напомнили о паспорте, мне нужно его приготовить: мы собираемся в Австралию, необходимо оформить визу, значит, нужен паспорт”. Австралия?.. Я задумался. Попросил Верзилу показать свой паспорт. У того паспорт был. Но какой паспорт? Японский... Австралия, Япония... Я глубоко задумался... Осматриваю козу. Да это же беженка! Форменная беженка! Была рогатая, но сейчас на месте рогов одни развалины... Я крепко задумался. Возвращаюсь к старушенции: паспорта у нее нет, но хотя бы узнать фамилию. Спрашиваю: “Фамилию свою помните?” Смотрит на меня невинными глазами и еще улыбается: “Я Ева Лисина”. У меня дыхание перехватило. Я лично не знаком с Евой Лисиной, книг ее не читал. Но одно произведение читал. Для меня этого достаточно, мне больше ничего не надо, потому что в этом произведении есть всё: и прошлое, и настоящее, и будущее. Я эту книжку знаю наизусть, но все равно читаю каждый день. Там есть правильное предупреждение: если мы, люди, не будем жить разумно, если будем думать только о своем благополучии, кичиться своим богатством, природа отвернется от нас, ей станет противно жить с нами: луга, озера, леса покинут нас – улетят. И мы окажемся в пустоте. А человек не может жить в пустоте. Вот какая мудрость заключена в книжке «Летающее озеро». А эта старушенция хочет примазаться к известной фамилии. Мне хотелось сказать ей в глаза, кто она такая. Но я, как полицейский, всегда держу в памяти правило о презумпции невиновности: человека без предварительного доказательства его вины ни в чем нельзя обвинять, поэтому сдержался, чтоб не назвать ее шарлатанкой и самозванкой. Но она шарлатанка и есть: среди бела дня ходит по самым оживленным местам столицы и дурит людей: водит с собой козу, время от времени выпускает осу (где ее держат, пока не знаю). Та жалит подряд (известно, что от ее жала спаслась только какая-то Мария), ужалит она кого-нибудь, старушенция тут же подоит козочку и сделает примочку из козьего молока. Потом этот мокрый лоскуток шлёп-шлёп на лоб, на нос, вообще на любое место. Думаете, она это делает бесплатно? Нет-ет, один шлёп – и гони денежку! А наша писательница не ест, не пьет, трудится над созданием очередного шедевра, а самозванка (в данном случае та самая шарлатанка) дает интервью, получает цветы и гром аплодисментов (к этому надо добавить гонорар: десять минут – десять тысяч!). Да, да, товарищ майор! Я тоже так думаю – будем защищать Еву Лисину! Тем более мы сейчас готовим такой грандиозный спек... Молчу, молчу! Да, это пока тайна...»

Вот как говорил этот полицейский. Безусловно, он любил свое дело, поэтому так подробно и рассказывал. Может быть, он говорил бы и дальше, но заторопился (наверное, его вызвало начальство: возможно, майор жаждал приступить к Делу о бродячем цирке). И повел нас к полицейской машине.

Базар и прилегающие к нему улицы – бойкое место: чего только и кого только не увидишь. Так и случилось. Когда мы вместе с полицейским шли по улице, нас догнала машина, наверное, редакционная: весь борт ее занимала реклама «Подпишитесь на газету “Советская Чувашия”». Машина остановилась, оттуда выскочил человек с фотоаппаратом и с восторженными возгласами подбежал к нам: «Ева Николаевна, какое счастье видеть Вас! Стойте! Снимаю! Посмотрите на небо! Снимаю!» Наш полицейский уставился на него в полном недоумении: «Вы ее знаете?» Фоторепортер тоже удивился: «А вы не знаете ее?» Вот так и стояли они с перекрестными вопросами: «Знаете? Не знаете?» Наверное, потом разобрались – рассмеялись и хлопнули друг друга по плечу. Сразу же после этого наш полицейский стал звонить, звонил в полном упоении: «Приятнейший сюрприз! Встречайте! Едем!» А журналист хотел поговорить с писательницей о творчестве, задал ей классический вопрос: «Над чем Вы сейчас работаете?» И получил от нее неклассический ответ: «Я сейчас в Австралию собираюсь». – «О, на научную конференцию?» – «Нет, на встречу с кенгуру». – «Ох!..» Я в первый раз увидел, как журналист не может найти слов. Но тут он увидел меня, и поток слов вернулся к нему: «О, господин Гото! Читал, читал Ваши статьи: и про древние чувашские верования, и про Геннадия Айги – это замечательно! Вы и мастер перевода! Прямо с чувашского языка перевели и издали в Японии две книги Евы Лисиной. Поздравляю, поздравляю!»

Между тем вокруг начала собираться толпа. Журналист хотел сделать еще несколько снимков, просил: «Товарищи, посторонитесь, пожалуйста!» А народу становилось больше и больше. Но вот, расталкивая всех, к нам пробралась Мария и сказала: «Я не посторонница, а первая им помощница!» Мы же, трое, кивком головы подтвердили правоту ее слов, так что на последних фотографиях нас уже четверо. То, что она наша надежная помощница, подтвердилось и тогда, когда мы садились (наконец-то!) в полицейскую машину: она подошла к шоферу, к молодому лейтенанту, и попросила: «Милок, сделай доброе дело, подвези их к ужину. Тут недалеко, деревня Юманай». А тот (такой молоденький, такой веселый): «К ужину? Подвезу!»

В полицейском отделе нас встретили всем штатом. Козине и не надо было напоминать о приветствии. До этого я видел два ее приветствия. Но нынешнее было самым красивым. Строгие лица полицейских просияли. Мы рассказали нашу историю подробно. Слушающие были очень внимательны: и смеялись, и огорчались, но самое главное – все хотели нам помочь. Выслушав, майор сразу же приступил к действию: «Сделаем так, – сказал он, – я сейчас же свяжусь с австралийской полицией, узнаю, что и как. После этого будем оформлять ваши документы». Он очень внимательно (я бы даже сказал: придирчиво) осмотрел Козину и приказал: «Внешность неудовлетворительная, в таком виде нельзя ехать за границу. Искупать, расчесать, остатки рогов удалить». Вот тут между ним и Евой Николаевной возникло небольшое разногласие. Ева Николаевна сказала: «Удалить рога? Может быть, Козина не согласится? Надо узнать ее мнение. У нас, у людей, есть Права человека. У коз должны быть Права козы». Майор же: «Просто беда с этими правами. Как тут узнаешь?» Ева Николаевна: «Я сейчас спрошу. Козина, данетили? (Можно понять как «да» или «нет»). Козина: «Чтозани!» (Можно понять как «ни за что»). «Что она сказала? Что она сказала?» – переспрашивали полицейские. – «Она сказала “Ни за что!”» – ответила Ева Николаевна. Майор же: «Твердый характер у этой козы. Вызывает уважение. Сделаем как она хочет. Сержант Иванов, немедленно свяжитесь с Художественным музеем. Там есть реставрационная мастерская, где восстанавливают исторические ценности. Договоритесь и поезжайте туда с Козиной, пусть восстановят ее рога. После полного восстановления должно казаться, что она

ходит в короне. А пока гостям покажите наш луг. Надеюсь, что Козина найдет там прекрасное пастбище».

Иногда встречаются такие места, где в уединённой красоте скрыто тихое таинственное очарование. Именно таким и был этот луг. Обсаженный липами, он примыкал к зданию полиции. Он был не больше половины футбольного поля. Наверное, его недавно косили, сейчас там росла низкая, густая отава.

Театральная страница, или Аварская лягушка

Нежданно-негаданно в наши хлопоты по подготовке к путешествию вклинилась театральная страница. Она началась с вопроса сержанта Иванова к Еве Николаевне: «Ева Николаевна, можно Вам задать один вопрос?» – «Конечно», – ответила та радушно. – «Скажите, пожалуйста, сколько лет Вашему Бомжику?» Ева Николаевна была обескуражена: «Какому Бомжику?» – «Вашему». – «У меня нет никакого Бомжика, у меня есть коза». – «А-а, значит, Вы еще не знаете... Молчу, молчу! Товарищ майор сам скажет. Ева Николаевна, а можно задать Вам еще один вопрос?» – «Можно». – «Скажите, пожалуйста, если человек хочет стать хорошим артистом, с чего ему начинать?» – «Очень просто. Проснулся, почистил зубы и сразу же начинай повторять быстро, быстро: “Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет”». Сержант Иванов ответил категорически: «Не буду так говорить!» – «Почему?» – «Потому что эти слова у меня вызывают отрицательные эмоции, я сразу начинаю думать: “Ворюги! Поймали их или нет? По какой статье осудили?” Нет, не буду так говорить!» – «Жаль, это хорошая скороговорка». – «Скороговорка – это не скородка и не пустая говорка, это серьезная вещь. Ну если Вам так нравится, могу читать с уточнением». – «Почитайте!» – «“Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет. Обоих посадили” – нормально?» – «Сойдет!» – «Сойдет – это так-сяк, мне так-сяк не нужно, мне нужно, чтобы было хорошо». – «Между прочим, я знаю одно слово: если усвоить его, то всю жизнь будет прекрасная дикция». – «Скажите, скажите это слово! Оно нам необходимо!» – «Я не могу его выговорить». – «Почему?» – «В этом слове много горловых звуков, мой язык не может его произносить. Это аварское слово, чтобы произносить его правильно, надо обратиться к самим аварцам». – «А где они живут?» – «В Дагестане, в аварском ауле». – «Найдем. Выговорить не можете, но знаете, что оно означает?» – «Означает лягушку». – «Лягушку?.. А хорошо бы узнать, как квакает эта самая лягушка, какие звуки она издает. Может пригодиться для скороговорки. Узнаем!» – ответил полицейский, мечтающий усвоить азы актерского мастерства.

Мы – Ева Николаевна, сержант Иванов и я – стояли у кромки луга и смотрели, как пасется там наша Козина. В это время к нам подошел майор. Козина – тонкая натура! – наверное, почувствовала, что на нее смотря четверо: подняла голову и выполнила приветственный жест, на сей раз она копытце держала над сердцем дольше прежнего, и приветствие ее получилось проникновенным, сердечным. «О, это прекрасно! – воскликнул майор. – Сержант Иванов, запомните эту сцену, мы потом непременно используем ее. И давайте назовем это место Козий луг. Вы согласны?» О, мы согласны!

Мы уселись на деревянных скамейках под раскидистой липой и наконец-то узнали про тот «грандиозный спектакль», которым восторгался наш полицейский (кстати, его нос пошел на поправку). Майор говорил просто, ясно, деловито: «Ева Николаевна, мы уже давно хотели встретиться с Вами. Нам нужна Ваша помощь. Мы задумали грандиозное дело – хотим поставить спектакль по вашей пьесе “Бомжик”. Пьеса рождественская, вот и хотим поставить ее к Рождеству. Разумеется, главное для нас – полиция. Спектакль это для души. У нас и тематика особая. Думаем, будем ставить в год один спектакль. В этом отношении “Бомжик” подходит идеально. Сразу же хочу сооб-

щить: в наших спектаклях роли будут исполнять не профессиональные артисты, а люди без театрального образования – мы сами (то есть полицейские), а при необходимости будем приглашать со стороны». Майор обратился ко мне: «Господин Гото, что Вы скажете о нашем начинании?» – «Я нахожу его очень интересным, – ответил я. – Благодаря тому, что эти люди не искусшены в театральном искусстве, их действия будут естественными, они будут не играть, а жить в данных обстоятельствах. А это самое ценное для сцены. Я с великим удовольствием посмотрел бы ваш спектакль». – «Считайте, что Вы уже получили приглашение на нашу премьеру. Мы будем играть на чувашском и русском языках, а Вы знаете оба языка, Вам будет всё понятно».

Майор продолжил обсуждение пьесы: «Ева Николаевна, в Вашей пьесе есть персонаж Старый Кот. Мы решили, чтобы эту роль сыграл один злостный вор. Сержант Иванов, как долго мы ловили этого Хромого? Да, да, два года. Ну, поймали мы его. Сейчас сидит. Мужик неплохой. Интуиция подсказывает мне: он мог бы хорошо сыграть своего сотоварища. Ева Николаевна, как Вы относитесь к этому персонажу?» – «Да, он был отъявленный вор. Ожесточенный, всех ненавидит. Вовлекает в воровское ремесло детей. Полное падение. Но сейчас он старый, больной. Вызывает жалость. Мне очень нравится конец пьесы. Когда писала, я не знала, что в этой концовке есть что-то, главное, догадалась об этом гораздо позже. Случилось так: циркачу – веселому, находчивому – срочно нужен был Дед Мороз. Он быстренько надел на этого вора тулуп, шапку, дал ему палку, большой мешок с подарками и выпустил на сцену. А в том мешке был пакет с горячими пирожками. Этот пакет положила туда добрейшая бабушка Серафима. Она тогда как раз готовила праздничный обед. И она знала, что Старый Кот голодный. Пирожки предназначались голодно-му. Он об этом и не знал.

А как встречают Деда Мороза? С любовью, восторгом, восхищением, ждут от него чуда и подарков. Волна любви захлестнула Старого Кота. Несколько минут он стоял растерянный. Потом начал раздавать подарки. Вполне возможно, что рука его коснулась теплого пакета. Вполне возможно, он, голодный, почувствовал и аромат вкусной еды. Но он роздал всё – до единой крошки. Тогда он почувствовал – почувствовал реально! – что с него свалилась какая-то тяжесть, и ему стало легче. И на его лице появилась еле заметная улыбка». Голос Евы Николаевны дрогнул: «В эту минуту он стал для меня родным...»

Мы помолчали немного, просто смотрели на умиротворяющий луг, где росла молодая трава...

«Ева Николаевна, мы бы очень хотели, чтобы Вы присутствовали на наших репетициях», – сказал майор. – «Буду непременно, – ответила Ева Николаевна. – Скажите, пожалуйста, кто исполняет роль Бомжика?» – «Это целая история, – ответил майор. – Когда мы начали обсуждать роли, сразу же возник вопрос: а сколько лет этому Бомжику? Чтобы определить его возраст, мы, полицейские, выявили некоторые предполагаемые эпизоды его жизни: он – сирота, значит, мог попасть в детский дом, потом – в интернат, оттуда мог убежать, бродяжничал, точно не знаем, попрошайничал ли он, познакомился ли с ворами. Его счастье, что встретился с Бабушкой Серафимой. Ева Николаевна, кстати, сколько лет ему?» Автор пьесы задумалась (при этом закрыла глаза и, будто считая про себя, загибала пальцы) и сказала: «Ему не больше одиннадцати лет – это точно. И не меньше восьми лет – это точно». Майор же: «А точнее?» – «Точнее... Без двух месяцев девять». Полицейские, довольные, переглянулись. Майор же: «Между Вами и нами – маленькое расхождение. Ну, мы это согласуем. Ева Николаевна, скажите, пожалуйста, как Вы сами относитесь к нему?» – «К некоторым людям прилипает грязь, эти люди и сами привлекают её, а Бомжик, как бы он ни жил, в каких бы обстоятельствах ни был, – несмотря ни на что, – остался чистым, к нему грязь не липнет, потому что он благородный. Я очень переживала за него, когда он (еще ребенок!), стуча кулаками, кричал в отчаянии: “Не прощу! Никогда не прощу!” Я белела за него – лишь бы он выдержал, лишь бы он не сломался. Какой же мучительный момент испытал он, когда, пересилив свою злобу, говорил бабушке: “Только ради тебя, только ради тебя прощаю...” Ради тебя... Какая любовь, какая нежность... Это ведь была духовная борьба. И он победил. И понял (может быть, пока неосознанно), на чем держится жизнь человека. После этого можно было не

бояться за него. Кто будет исполнять его роль?» Майор же: «Мы заметили двух мальчиков из интерната. Из них надо выбрать одного». А Ева Николаевна: «Берите обоих! Обоих! Пусть играют по очереди! Какая же перспектива открывается для них: мальчики подружатся, вместе будут ходить на репетиции, будут часто общаться с вами – надежными, добрыми людьми. Для них это так необходимо! Товарищ майор, дайте слово, что вы возьмете обоих». – «Даю слово. Ева Николаевна, мы хотели бы, чтобы Вы присутствовали на этих репетициях». – «Неприменно, неприменно». – «А мы в Ваше отсутствие поставим двухэтажный бревенчатый дом, на первом этаже будут театральные подмости, зрительный зал, а на втором этаже – классы для репетиций и писательский кабинет для консультаций. Рядом с домом построим красивый сарай для Козины». – «А на крышу дома можно поставить флюгер», – предложил я. А майор с восторгом: «Флюгер! Это же необходимейшая вещь! Особенно для театра! Мимо флюгера никто равнодушно не проходит – всякий останавливается, любуется. Безусловно, он будет привлекать зрителей!» Я продолжил: «Они у нас в Японии продаются разные-разные. Я вам с удовольствием подарю». Майор же: «Такой флюгер должен иметь имя, тогда назовем его японским именем».

***

А я благодарен этой пьесе: ведь в свое время именно она побудила меня заняться переводом произведений Евы Лисиной.

Было Рождество, 2015 год. Я познакомился с Евой Лисиной в Чувашском государственном театре юного зрителя имени М. Сеспеля. Там шла премьера спектакля «Бомжик» по её одноименной сказке.

Тогда меня поразило единство артистов и детей-зрителей. Создавалось впечатление, что действия исполняются артистами и детьми. Иногда артисты обращались к детям, а в некоторые моменты дети сами вовлекались в действия и активно защищали Бомжика. Мне хорошо запомнился один эпизод. С улицы доносились крики. Прислушиваясь к ним, Бабушка Серафима вслух недоумевала: «Неужели и мой мальчонка дерется?» Дети же откликнулись сразу: «Дерется! Дерется! Потому что его дразнят, издеваются над ним! Слышите, обзывают его бродягой и бомжиком! Поэтому и дерется!» А один зритель (я его не видел – он сидел далеко впереди, но по его голосу можно было догадаться, что это мальчик 5-6 лет) во всеуслышание обратился к Бабушке Серафиме: «Бабушка, ты его не ругай! Он хороший!» И все дети: «Он хороший! Он хороший! Он – не Бомжик, у него есть имя! Его зовут Маттуркка!» (в переводе на чувашский: Молодчина). И вдруг стало тихо-тихо – так напряженно ждали его появления: каким он явится? что скажет ему Бабушка?

А что сказать ему, озлобленному, отчаявшемуся? В такой острой, болезненной ситуации из-за одного фальшивого слова можно потерять доверчивость зрителя. Чуткость автора предлагает нам самую обыкновенную мирную картину. Бабушка встречает его спокойно, без упрека, без замечаний и нравоучений. Она говорит «странно», но эту «странность» зрители понимают и принимают с улыбкой. Последовал очень простой диалог: «Я сама не дерусь, поэтому не понимаю, почему обязательно надо драться». – «Бабушка, ты что, до сих пор ни разу не дралась?» – «Не дралась ни разу». – «Как же это так? Как же ты живешь без драки?» – «Вот так и живу, нормально живу». – «Не только нормально, ты живёшь очень богато, у тебя есть всё, что нужно: и молоко, и калач...» Простейший диалог, но он определил искренность и в большом, и в малом. В спектакле много «острых» моментов, но подобные испытания преодолеваются усилиями артистов и детей. И все они приходят к рождественскому чуду...

В те рождественские дни я встретился с Евой Николаевной: мне хотелось узнать, как отнесется она к моему намерению перевести ее повесть «Дети Синьяла». Узнав о моем желании, писательница воскликнула: «Ведь брат говорил мне, что эту повесть лучше всех поймут японцы и они непременно переведут ее! Значит, такой момент настал». И с грустью добавила: «А я сейчас

жалею о том, почему же не спросила у него, что же он имеет в виду, говоря о возможном японском переводе. Правда, он однажды сказал, что в этой повести есть японская тонкость». Ева Николаевна тогда рассказала удивительную историю о том, как её старший брат поэт Геннадий Айги сам для себя устраивал «чтение».

Его сестра вспоминала: «Именно так читал он фронтовые письма отца и мою повесть “Дети Синьяла”. В таких случаях его жена звонила мне: “Твой брат взял с собой четвертинку водки, хлеб и заперся в своем кабинете, просил его не беспокоить и не звать к телефону – он будет читать всю ночь, со слезами”». Заметим же: обе вещи связаны с детством брата и сестры – как дорого было для них это время!

Рассказ Евы Николаевны так поразил меня, что я воспринял его как обязанность перед выдающимся поэтом перевести дорожную для него книгу на японский язык. А обязанность эта стала для меня Рождественским подарком...

***

А «Театральную страницу» надо будет продолжить, потому что и потом были обсуждения и действия на театральную тему. Пока добавлю только одно: майор включил в репертуар своего театра спектакль по японской пьесе. Мне надо будет выбрать пьесу и перевести ее на чувашский язык.

И всё завертелось-закружилось. Уже через несколько дней мы получили из Австралии приглашение на открытие соревнования кенгуру по бегу. Мы полетим в столичный город Канберра, там нас встретит австралийская полиция и отвезёт в знаменитую долину, где ежегодно проводятся состязание кенгуру.

Ждите наши путевые заметки!

Январь 2023 г.